

Выдержки из Писания, статей, работ, высказывания (также и о русском языке).

Псалом 46, ст. 7–8: Пойте Богу нашему, пойте; пойте Царю нашему, пойте, ибо Бог - Царь всей земли; пойте все разумно!

Книга деяний апостолов, гл. 2, ст. 7-11: «Изумлялись все и дивились, говоря: вот все эти говорящие, разве они не Галилеяне? Как же мы их слышим каждый на своем собственном наречии, в котором мы родились: Парфяне и Мидяне, и Эламиты, и живущие в Месопотамии, в Иудее и Каппадокии, Понте и Асии, Фригии и Памфилии, в Египте и в частях Ливии, примыкающих к Киринее, и пришедшие из Рима, как Иудеи, так и прозелиты, Критяне и Арабы - слышим, как они говорят на наших языках о великих делах Божиих?»

Первое послание Коринфянам апостола Павла, гл. 14, ст. 6-19: ... если я приду к вам, братья, и стану говорить на *незнакомых* языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением? И бездушные *вещи*, издающие звук, свирель или гусли, если не производят отдельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гусли? И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? Так если и вы языком произносите невразумительные слова, то, как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер. Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения. Но если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец. Так и вы, ревнуя о *дарах* духовных, старайтесь обогатиться *ими* к назиданию церкви. А потому, говорящий на *незнакомом* языке, молись о даре истолкования. Ибо когда я молюсь на *незнакомом* языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом. Ибо если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолоудина как скажет: "аминь" при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается. Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками; но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на *незнакомом* языке.

Второе послание Коринфянам апостола Павла, гл. 3, ст. 6: Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит.

Аверинцев С.С.: Во времена святых Кирилла и Мефодия противники дела этих великих Просветителей славянства ссылались на доктрину, согласно которой и Слово Божие, и Божественная Литургия должны звучать по всей земле лишь на одном из трех священных языков — древнееврейском, древнегреческом и латинском: эти языки сподобились быть употребленными в тексте Голгофской надписи над главою распятого Спасителя, а потому—де противостоят всем языкам народов земли, как сакральные — мирским.

Православное Предание отвергло «трехязычную ересь», соблюдая верность изначальному выбору Церкви. Ведь если на заре христианства какие-то языки могли претендовать на сакральный статус, это был либо язык Синайского Откровения — древнееврейский, либо язык живой проповеди Иисуса Христа — арамейский (вспомним, с каким благоговением Евангелия сохраняют звучание некоторых арамейских слов); однако языком Нового Завета стало греческое «*койне*», понятное тогда наибольшему числу людей в землях восточного и отчасти западного Средиземноморья. Над этим стоит задуматься; даже сами высказывания Основателя христианства были восприняты Вселенской Церковью в переводе на язык тех, к кому обращена была апостольская проповедь. Концепт культового языка, совершенно неизбежный для язычества, требуемый логикой иудаизма и ислама, Церкви чужд по существу; ее подлинный язык — не горделиво хранимое свое наречие, но речь, понятная спасаемым.

Этим принципам верно прекрасное творение святых Кирилла и Мефодия, навсегда наложившее неизгладимую печать на внутренний строй русского человека. Странно, что его употребление ныне желают увековечить при помощи той самой теории, которая некогда послужила недругам дела Солунских братьев.

Странно, что славянский литургический язык, созданный, чтобы возможно приблизить святыню к сознанию предков наших, ныне поддерживает дистанцию между этой же святыней — и сознанием потомков. Православные полемисты часто корили католическую латынь, отстранявшую мирян от живого и сознательного участия в соборном литургическом служении; но вот уже и католики перешли к иной практике — а у нас все держится обязательность нашей «латыни».

Что делать? Благоразумные разбойники, кающиеся мытари и блудницы — и ныне, как во времена Господа нашего, подчас опережающие на духовном пути фарисеев — не вытвердили древнего наречия на школьной скамье. Какие есть — к ним, к ним послана Церковь. Языковый барьер создает искушения; они многообразны. Для эстетов - внимать священным словам как музыке, которая дает «настроение», но ничего не значит и ни к чему не обязывает. Для простых душ - настроится на то, что все происходит между Богом и причтом, а мирянин заходит свечку поставить или в лучшем случае молиться не соборной, а келейной молитвой. Еще хуже: меня здесь не ждут. А кругом полно ловцов душ, готовых говорить с советским дичком на его языке. Всегда найдется, с кем уйти от Церкви.

Я думаю, что перевод необходим для всех тех случаев, когда что-то произносится явственным образом, от имени всех молящихся. И также это относится к молитвам для личного употребления. Человек не должен привыкать к возможности сказать перед Богом и Богу что-то, чего сам говорящий не понимает и за что он не может взять на себя полной ответственности. Тогда молитва превращается в простое вычитывание как бы и не совсем от своего имени... это страшно.

епископ Полоцкий Серафим: В полемике с католичеством православные богословы всегда указывали на свое богослужение как на одно из преимуществ Православной Церкви ввиду его особой назидательности. Однако на практике оно далеко достигает той цели, для которой создано благодатными носителями Православия. Причина этого кроется прежде всего в его непонятности большинства верующих. Ввиду этого необходимо прежде всего улучшить язык богослужения, сделать его более ясным и понятным в отдельных словах и конструкциях.

Автор N?: Необходимо очень четко и недвусмысленно отказаться от всяких рассуждений о "священном языке, данном непосредственно Богом и не претерпевшим никаких изменений". Церковнославянский язык - культурно-историческое сокровище, но не догмат веры и не содержание откровения.

Социальная концепция Русской Православной Церкви: Евангелие Христово проповедуется не на священном языке, доступном одному народу, но на всех языках (книга Деяний апостолов, гл. 2, ст. 3-11).

из жития святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: Мы же знаем многие народы, имеющие свои книги и воссылающие славу Богу, каждый на своем языке.

Первый литературный язык славян, созданный святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием в IX веке, принято называть старославянским (древнецерковнославянским) языком. Его основой явился македонский говор древнеболгарского языка, на котором говорило славянское население греческого города Солуня (ныне Салоники). Именно этот говор был известен «солунским братьям». В ходе перевода Священного Писания и богослужебных книг с древнегреческого на этот язык ими был впервые разработан книжный стиль живого славянского языка, отразивший влияние греческого синтаксиса и вобравший в себя большое количество новообразованных по греческим образцам слов (Богородица, Присносушный и др.). В IX веке различия между славянскими языками были незначительными, и со своими переводами святые Кирилл и Мефодий отправляются в Великую Моравию, к западным славянам. Когда же христианство приходит на Русь, то здесь также появляются богослужебные книги, переписанные с более ранних оригиналов. Древним русичам был понятен язык этих книг — он имел общий с древнерусским грамматический строй и почти тождественный основной словарный состав.

председатель Синодальной библейско-богословской комиссии и Отдела внешних церковных связей митрополит Иларион Алфеев (из доклада «Переводы Библии и современность», 2013): С самого начала христианской истории внимание Церкви было обращено на Весть, на проповедь, на миссию, а не на фиксированный текст на конкретном “священном” языке. Это радикально отличается, например, от отношения к священному тексту в раввинистическом иудаизме или в исламе». Несмотря на неоднократные в церковной истории попытки объявить какие-то языки «сакральными», «Православная Церковь никогда не канонизировала какой-то один текст или перевод, какую-то одну рукопись или одно издание Священного Писания». Святым Кириллу и Мефодию приходилось бороться с так называемой трехязычной ересью, апологеты которой считали, что в христианском богослужении и литературе допустимы только три языка: еврейский, греческий и латинский. “Трехязычная ересь” была преодолена, хотя ее рецидивы, т.е. попытки провозгласить какой-то язык “сакральным”, не раз встречаются и в последующей истории Церкви.

Журинская М.А., кандидат филологических наук, лингвист, редактор журнала "Альфа и Омега": Разговоры о том, что церковнославянский язык лучше русского - это разговоры наивные, потому что на всяком языке можно выразить вообще все, что только может прийти человеку в голову. Рассуждения о том, что есть такое слово, подобного которому нет в других языках, тоже довольно наивны - прежде всего потому, что смысл выражается не в отдельных словах, а в предложениях. Всегда с помощью того или иного количества слов можно сказать все, что человек думает. Рассуждения об особой поэтичности церковнославянского языка также неубедительны; существует обаяние иного языка, и тексты на нем кажутся "красивее", чем на родном; на сей счет у лингвистов бытует масса анекдотов. К тому же язык Пушкина тоже поэтичен, и если это критерий, тогда почему бы нам не переложить сейчас все богослужение в пушкинские чеканные строфы?

Автор N?: Я воцерковляюсь шесть лет. Хожу в церковь по воскресеньям и по праздникам. Я не понимаю церковнославянского языка ни на слух ни на чтение. Более того, я не вижу, что этот язык красивый. Что красивого в словах "вонь", "сый", "бяше" и пр.? На призыв диакона: "Премудрость прости" (т.е. замрите и слушайте с особым вниманием), прихожане начинают креститься и кланяться. Действие обратное просьбе. Говорят, что церковнославянский язык чище русского языка. Но если слово утратило смысл, то это уже не слово вообще, каким бы чистым оно не было.

Автор N?: Вопрос о богослужебном языке - это НЕ догматический вопрос, т.е. второстепенный. Возвращаемся к «страшилкам», связанным с переводом богослужения. Вот вторая: неблагозвучность, сухость, узость, испорченность неологизмами, иностранщиной и т.п. современного разговорного русского языка, уже совсем не великого и не могучего. Но разве именно на такой язык предполагается делать (и уже делается) перевод? Опять риторический вопрос... Ведь традиция богослужебных переводов и обсуждений этой проблемы насчитывает, слава Богу, даже не сто лет, как говорится в статье, а больше двухсот. Возьмем более близкие примеры. На какой русский язык переводил богослужебные тексты профессор МДА Евграф Ловягин? Священник Иоанн Беллюстин? Сенатор, товарищ обер-прокурора Священного Синода Николай Нахимов? Священномученик иеромонах Феофан (Адаменко)? Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов)? Епископ Русской Зарубежной Церкви Александр (Милеант)? Иеромонах Амвросий (Тимрот)? Священник Георгий Кочетков, переводческую деятельность которого одобрял академик Аверинцев? Да, совершенства там нет. Но разве есть «открою рот мой, и наполнится воздухом»?

Миронова Т.Л.: ... мысль о непонятности и трудности этого языка подкрепляют современные церковнославянские учебники и грамматики, прорваться через усложненность и наукообразие которых нормальному человеку без филологического образования почти невозможно. Так что авторы учебников, вольно или невольно, тоже выступают в роли гонителей церковнославянского языка, нагромождением грамматических трудностей отвращая от церковнославянской молитвы и богослужения людей,

приступающих к Православному вероучению. И в этом видится великая пагуба, грозящая не столько церковнославянскому языку, сколько нам всем - православным русским людям, через этот язык приближающимся к Господу.

Автор N?: Если читаете любой учебник грамматики Церковнославянского языка, то убедитесь, что в славянском языке очень мало порядка: правил меньше, чем исключений из них, склонения, спряжения, падежи употребляются порой как попало, любой неизвестный текст на славянском нужно длительное время расшифровывать, чтобы понять примерный его смысл. О какой тут точности славянского перевода может идти речь? Собственно, именно из-за "разболтанности" славянского языка его множество раз пытались исправлять, реформировать, править, переводить и т.п.

Автор N?: Ни разу не слышал противопоставлений тезису «ЦС богатый язык, особенно по сравнению с русским», но реальность нам говорит, что ЦС беднейший язык. Во-первых, по определению – он искусственный, а искусственный не может быть богаче естественного, не по количеству словарного запаса, а именно по определению: естественный живет и изменяется, искусственный же – хранят и поновляют. Во-вторых, по словарному запасу: оттого в ЦС и существует по 12 значений на одно слово (и при том не факт (на 90%)), что ты по контексту сможешь определить одно из 12 значений), что он беден.

Автор N?: Столько пустой писанины... Дописались уже вплоть до оскорблений и унижений всех тех, кто не знает какого-то старинного языка, которому нигде никто не учит. Даже сама статья в оскорбительном тоне намекает на тех, кто за современный, понятным всем язык, как на слабоумных неучей. Дошло это обсуждение уже до откровенного абсурда и выдумок. Что мол, Господь и ангелы понимают только ЦСЯ, язык придуманный двумя монахами-миссионерами для полудиких языческих племён обитавших когда-то в Юго-Восточной Европе... А ведь Патриарх Кирилл, благословивший обсуждение этого вопроса, - умнейший и образованнейший православный христианин. По долгу своей службы знающий, во-первых, что Всемирное Кафолическое Православие, это не только Россия, Украина и Белоруссия. Это, действительно, огромная Апостольская Церковь, стоящая на втором месте по количеству приходов и прихожан после Римской Католической, и приходы которой находятся на всех материках, и почти во всех странах мира. И что ещё на самых первых Соборах было установлено Отцами Церкви, что литургии и проповеди и псалмы должны читаться и произноситься на языке понятном местному населению. Чтобы Евангелие Христово было им всем ясно и понятно. Кстати, именно это и являлось целью создания ЦСЯ. У нашей Церкви есть миссионерская обязанность, данная Ей Апостолами. А кого мы можем «отмиссионерить», как выражается А. Кураев, если мы балакаем с ними на неведомой им мове? Во-вторых, Патриарху известно, что, например, в Мексике, исконно католической стране, и в США, исконно протестантской, люди переходят в православные приходы Автокефальной Православной Церкви Америки (ОСА), чуть ли не целыми баптистскими приходами, массово. Теперь отгадайте, знатоки ангельских языков, на каких языках там идёт служба и читается Литургия Иоанна Златоуста? Правильно, отгадали: на мексиканском диалекте современного испанского языка и американском диалекте современного английского. Что же, это Дух Святой и ангелы ведут мексиканцев и янки в Истинную Церковь, где те отрекаются сатаны и ересей его, или это делает ЦСЯ, о котором они даже не слышали никогда?! А теперь посмотрите сколько русских и украинских наших братьев и сестёр уводят в свои секты "волки в овечьих шкурах", только потому, что немощные наши споткнулись о ваше упрямство в вопросе языка Литургии, который на самом деле яйца выеденного не стоит. Поэтому мудрый Кирилл, зная всё это, дал вам возможность обсудить всё это в мире братском и согласии. И выбрать вам для себя и своего прихода язык, Церковно-Славянский, Синодального Перевода или современный. А не отождествлять себя и свой приход со всей всемирной Православной Церковью, и оскорблять немощных в вере и языке.

ссылки на Новый Завет (про разум): 1)1 Ин.5:20; 2) Рим.1:28; 3) Рим.12:1-2; 4) Еф.4:23; 5)1Тим.4:16.

святитель Игнатий Брянчанинов – пастырь и переводчик, ясно зревший церковную жизнь своего времени с ее бедами и проблемами, пути их преодоления видел в обращении к подлинному, апостольскому

и святоотеческому, преданию церкви. Поэтому он желал, чтобы церковно-переводческая деятельность углублялась: Естественно, что по мере перевода на русский язык отцов Восточной церкви, предание этой церкви обозначается отчетливее (4 мая 1864г.). А вот как он приветствовал новое издание перевода Евангелия: Сердечно радуюсь, что слово Божие будет в общем употреблении на русском языке. Сего же дня получил я из Петербурга письмо от одного знакомого, который пишет, что высылает мне вновь изданное Евангелие. Слава Богу! Кажется, Дух Святой, сообщив апостолам в день Пятидесятницы знание языков, со всей ясностью указал волю Божию, состоящую в том, чтобы слово Божие имелось и провозглашалось на всех языках (Том 7, раздел 2, письмо 111). Святитель и молитвы составлял на современном ему русском языке: Без внимания молящийся и потому не понимающий произносимых им слов - что другое для себя самого, как не иностранец? (Аскетические опыты, том 2: Слово о молитве устной и гласной).

Автор N?: Понимание темы молитвословия не является достаточным для осознанной, разумной молитвы. Я служу в селах 16 лет. Эти люди плохо понимают даже по-русски. И плачут на исповеди, осознавая, что произнесение в молитве слов, которых они сами не понимают, является ложью, грехом. Эти люди не в состоянии изучать ЦСя, т.к. они не способны к этому, ни в силу интеллектуального развития, ни в силу образования, ни по причине занятости добыванием пропитания. Они не важны для Церкви? Даже 100% понимание текста не может быть оправданием ЦСя богослужения. Одним из важных условий того, чтобы молитва стала жизнью верующего, а не частью жизни, является обращение к Богу на том языке, на котором человек думает, говорит, живет. Это очевидно для любого адекватно мыслящего церковного человека.

архиепископ Волоколамский Иларион Алфеев, 2009: С одной стороны, неправильна та ситуация, когда богослужение совершается на непонятном или на не вполне понятном языке. Я думаю, что каждый из нас может честно себе признаться, что мы НЕ всё понимаем в богослужении. Я, например, не всегда и не всё понимаю из того, что читается на славянском языке в церкви, несмотря на то, что имею богословское образование. Часто для того, чтобы постигнуть читаемое по-славянски, мне приходится обращаться к греческому оригиналу.

митрополит Иларион Алфеев, епископ Венский и Австрийский, свободно владеющий десятью языками, в интервью на 90-летию библиотеки иностранных языков: В православном богослужении есть такие молитвы и такие песнопения, которые каждый день или каждое воскресенье. И их легко воспринять вот таким способом, как я вам сейчас сказал. Взяв в руки перевод, два или три раза его прочитав, понять основную суть славянского текста. Но есть в православной церкви такие тексты, которые звучат один раз в год. Или, которые, может быть звучат каждую неделю, оказываются непонятными в силу сложности языка или в силу того, что перевод не совсем понятен. Я думаю, что вот такие части богослужения, т.е. изменяемые части, их при необходимости, можно было бы совершать по-русски. Например, чтение Апостола за богослужением. Мой пасторский опыт показывает, что огромное число прихожан, не знаю - 90% или 50 % (это всегда очень опасно давать какие-то выкладки), но я думаю, что огромное число прихожан не понимают чтение Апостола за Литургией. Многие прихожане понимают чтение Евангелия, потому, что они его читают дома на русском языке. Но вот Апостола, они не понимают.

Кроме того, я открою один маленький секрет. Я иногда обращаюсь к греческому языку, для того, чтобы понять смысл славянских текстов. Потому, что, хотя все нам говорят, что славянский язык очень близок к русскому, и что особых усилий не требуется, чтобы его понять, но я нередко сталкиваюсь с тем, что славянский текст оказывается не понятен, и не только потому, что это язык, который использовался много веков назад, но потому, что перевод сделан таким образом, что как бы все слова переведены, а смысл непонятен. Это особенно касается некоторых сложных богослужебных текстов. Таких, как: каноны. Например, канон на праздник Пятидесятницы, каноны на целый ряд других праздников. Я, просто не обратившись к греческому языку, не могу понять смысл того или иного тропаря, того или иного текста.

игумен Петр (Барбашов), Россия, Астрахань: Довольно разговоров. Мне вот неразумному хочется конкретики. Расскажите пару слов про двойственное число, N, и не только Вы, а все здесь стоящие и повсюду православные, которому нет аналогов в русском: глаголаста ей Она, обязи с нама, о нихже стязаетася к себе идуща, и еста дряхла, очи же еЮ держастеся, да его не познаета... Как надо четко и выразительно читать, чтобы донести до скорбящего человека в храме? Хотя, я думаю, вы скажите: не надо не до кого ничего доносить, пусть дома со словарями и переводами спокойно почитают. Прошу заранее прощения, если неточен в догадках.

игумен Феогност (Пушков), на основании его опыта общения со свидетелями Иеговы: Пока у нас не прекратится монополия на церковнославянский язык, мы не сможем вернуть в недра Церкви большинство её потенциальных членов, ушедших в секты... богослужебный язык становится реальной преградой на пути их обращения к вере.

Автор N?: Вообще весь Апостол - прекрасный образец подлинного церковнославянского языка. И он совершенно непонятен - не только со слуха, но и при чтении неспециалистом. Мне, кстати, всегда неясна цель этого чтения за литургией. Изобразить благовестие или благовествовать? Если благовествовать, то, да, пойти на значительное упрощение языка, либо рекомендовать читать на церковнославянском, а затем на русском.

игумен Агафангел (Белых): Если какой-либо язык непонятен человеку, то он, разумеется, является препятствием для понимания службы. Если таких людей большинство на приходе – следует избрать более понятный вариант.

Дарья Жданова-Косинцева: Так почему сейчас богослужение можно перевести на корякский, но нельзя – на русский? Еще из социальной концепции: «Культурные отличия отдельных народов находят свое выражение в литургическом и ином церковном творчестве, в особенностях христианского жизнеустройства. Все это создает национальную христианскую культуру». Но ведь именно ЦСЯ мешает сейчас формированию русской христианской культуры, ведь язык – одна из основ культуры. ЦСЯ изолирует молитву от культуры: ее сложнее интегрировать в поэзию, сложнее красиво цитировать в прозе, произносить в кино без оттенка «православной экзотики».

епископ Смоленский и Вяземский Пантелеймон: Никто не призывает отказываться от старого. Нужно только дерзнуть заговорить с Богом и своим, русским, голосом. Пусть не так гениально, но ведь мы и вправду сейчас не гении духовности, а пока получается нищий в заемной царской одежде. Почему бы не вести богослужение и на том и на другом языках. Как в Сербии, например.

Иларион, первоиерарх РПЦЗ, митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский, архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский, 2013: Молитва — это не произнесение вслух или про себя древних магических формул, тайных волшебных звукосочетаний. Молитва — это обращение ума и сердца к Богу с помощью слов, имеющих глубочайший смысл, который должен быть осознан и прочувствован молящимся. Ведь многие не понимают старый язык, а, следовательно, не понимают ни смысла, ни таинства обращения к Богу. А иные прихожане за рубежом плохо знают и русский язык, и есть прихожане разных национальностей. Мы здесь в Австралии налаживаем миссионерскую работу даже среди аборигенов, вот для этого необходимо переводить молитвы и на английский язык.

К концу XIX века проблема восприятия богослужебного текста уже осознавалась как весьма острая, **святитель Феофан Затворник (+1894)** писал: В печатных церковных службах перевод уже устарел, в них много темного и излишнего..., начала чувствоваться потребность обновления...

Надо что-нибудь на всю церковную жизнь влияющее сделать. И есть вещь такого именно свойства, вещь крайне нужная. Разумею новый, упрощенный, уясненный перевод церковных богослужебных книг.

Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и все нравоведение христианское и все утешения и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений непонятны совсем. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие чего новый перевод книг богослужебных неотложно необходим. Ныне, завтра же, надо к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиною вреда, который от сего происходит. Одна из причин, склонивших православных к штунде, есть именно непонятность церковных песнопений...

Святой апостол Павел учит, что не в словах Царство Божие, но в силе (1 Кор 4:20); не станем без нужды возбуждать разделяющие прекословия о разностях слов, когда они ведут к единой силе Царства Божьего. Величие Священного писания состоит в силе, а не в блеске слов, из этого следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям ради мнимой их важности.

Что много непонятного – справедливо... Наши иерархи не скушают от неясности, потому что не слышат... Заставили бы их прочесть службы хотя бы на Богоявление... Кто только станет вчитываться или вслушиваться, непременно кончает вопросом: да что же это такое? Архиереи и иереи не всё слышат сидя в алтаре, что читается и поётся, потому и не знают, какой мрак в книгах... (Собрание писем, выпуск 7, М.: 1901г.).

Странный ходит у нас предрассудок, что как скоро мирянин, то ему нет нужды утруждать себя полным знанием христианской истины, стыдятся заявить это знание, если имеют его, и тем более заступиться за него, и расширяется у нас, таким образом, область лжи и царство отца ее. Стало быть, всякий, не ведающий истины, есть уже изменник ее и изменник общества верующих, или святой Церкви. Строго? Строго, – но так и есть.

Если хотите, чтоб псалмы не развлекали, прочитайте толкование их и уясните смысл их... Потом, никогда много не читайте... и читайте неспешно, вдумываясь в каждое слово.

новомученик отец Митрофан (расстрелян в 1938г.) писал, что Псалтырь нужно читать на русском языке - лучше до сердца доходит.

святитель Иоанн Златоуст: Слова этого псалма /140/, можно сказать, все знают и во всяком возрасте постоянно поют, но смысла их не понимают. Это не мало заслуживает осуждения – каждый день петь и устами произносить слова, а не стараться вникнуть в силу мыслей, заключающихся в словах. Кто видит чистую и прозрачную воду, тот не может удержаться, чтобы не приблизиться, не взять и не испить ее, и кто часто ходит на луг, тот не может уходить оттуда, не собравши несколько цветов; а вы, с раннего возраста до глубокой старости продолжая повторять этот псалом, знаете только слова его, сидите у закрытого сокровища, носите с собою замкнутый кошелек, и даже из любопытства никто из вас не старался узнать, что значат эти слова, никто не исследовал, не вникал.

равноапостольный святитель Николай Японский, которого необходимость перевода богослужебных текстов на японский язык заставила поближе познакомиться с нашими церковно-славянскими переводами, не раз оказывался в тупике: Как жаль, что не исправляют славянский текст Богослужения! Славянский текст в иных местах — просто набор слов, которых не свяжешь, как ни думай. Хотел бросить, пока добуду греческий подлинник; впрочем, с присочинением и опущениями - пошло!

Он же, на слова простых русских моряков о богослужении на японском языке – «Господь Бог не положил различие в языке для молитвы», воскликнул: Да наградит Господь Своею благодатью такое истинно православное суждение!

священномученик Фаддей Успенский, (+ 31 декабря 1937г.): Я не перестаю печалиться о том, что на Воляни повсюду славянский текст читается почти без перевода и объяснения. Говорят все, что программу требуется более «вводить в дух» читаемого, чем в смысл. По-моему, это нелепость. Худо так

сухо изучать славянский текст, как в семинариях и особенно в академиях, но одним псалмодическим чтением без смысла разве можно ввести в дух священных книг? Ведь псалмодическое чтение — для церкви, в школе же на уроках должно быть чтение обычное, да и в церкви оно — не догмат. Учат тонкости грамматики, а живого текста не могут перевести. Я печалюсь об этом, но что сделать, не знаю...

архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий): Возвышенное богослужение наше из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словоизвержение для поющих, читающих и слушающих... Мудрено ли, что крестьянин иной предпочитает церковной, возвышенной, но непонятной песне неумную, но понятную сектантскую песню, которую он может сам и петь, а образованный по той же причине идет в театр или удовлетворится домашним пением пошлых, но понятных романсов.

святитель Афанасий (Сахаров) (+1962г.): Исправление церковных книг - неотложное дело... И я думаю, что и в настоящей церковной разрухе в значительной доле повинны мы тем, что не приближали наше дивное богослужение, наши чудные песнопения к уму русского народа...

протоиерей-священномученик Александр Хотовицкий (+1937г.), деятельный сторонник принятого решения о реформировании, близкий и многолетний сотрудник будущих патриархов Тихона и Сергия: Перевод безусловно необходим, ибо изгонять верующих из церкви из-за непонимания славянского языка преступно. Даже мы, священники, знакомые со славянским языком, часто встречаемся с такими местами славянского текста, которые нам совершенно непонятны, и вместо сознательной молитвы понапрасну ударяем звуками в воздух. Вообще закрывать двери православия отказом введения русского языка в богослужение из-за красоты формы славянского языка нецелесообразно. Примеры перевода некоторых книг за границей дали блестящие результаты. Из достоинства славянской речи еще не следует отрицание перевода книг, а равно богослужения и молитв на русский язык, ибо таким образом мы бережем золотник, а теряем пуд.

Выдающиеся и праведные пастыри – протоиереи **Иоанн Кронштадтский** (считал необходимым читать псалмы на общей исповеди сначала по-славянски, потом по-русски), **Валентин Амфитеатров** и **Алексей Мечев** начали использовать русский язык в богослужении и при чтении Писания. В 1911г. **епископ Самарский Константин (Булычев)** благословил сельского **священника Николая Пономарева** на совершение богослужения по-русски. Даже на самом охранительном в предреволюционное время 4-м Всероссийском миссионерском съезде в Киеве, проходившем под председательством одного из наиболее консервативных иерархов того времени **архиепископа Волынского Антония (Храповицкого)** (+1936г.), 25 июля 1908 года была принята резолюция по докладу организационной комиссии "о неотложной нужде исправлений в церковном богослужении", о желательности "нового перевода церковно-богослужебных книг на упрощенный, более близкий к русской речи, славянский язык". На Соборе 1917-1918 гг. владыка Антоний предложил переводить литургические тексты для проповеди за богослужением: Возьми Служебник и переводы его по-русски.

Также можно назвать и поминающих, и не поминающих митрополита Сергия архиереев, сторонников русского языка: например, **Алексия (Симанского)**, **Иоанна (Пояркова)** и **Серафима (Александрова)** среди поминающих; **Гурия (Степанова)**, **Стефана (Знамировского)**, **Николая (Могилевского)**, **Афанасия (Сахарова)** и **Максима (Жижиленко)** - среди не поминающих. Архиепископ Иркутский Гурий Степанов, известный миссионер, в 1930-е годы находился в ссылке в Чердыни вместе с **иеромонахом Феофаном (Адаменко)** и переводил с ним богослужебные тексты на русский язык для практического использования. Архиепископ Вологодский Стефан Знамировский, до Собора 1917-1918 гг. - инспектор Пермской семинарии, был активным участником работы подотдела о богослужебном языке и одним из авторов текста окончательного варианта этого соборного документа. Епископ Ковровский Афанасий Сахаров, треть века проведенный в узах, выдающийся литургист, человек глубоко церковный, большой сторонник поновления переводов и даже перевода богослужебных текстов на русский язык, - как

вспоминал о нем профессор МДА Дмитрий Огицкий, говорил, что только тот является верным сыном Русской православной церкви, кто сохраняет послушание решениям Собора 1917-1918 гг., в том числе в богослужебной области. Он не раз напоминал и то, что единственно каноническими богослужебными книгами нашей церкви являются утвержденные Синодом книги, подготовленные комиссией под председательством Сергия Финляндского. В одном своем официальном докладе священноначалию он писал: Вопрос об исправлении наших богослужебных книг я считаю настоятельно необходимым и неотложным. Поэтому я с давних пор занимался исправлением в принадлежащих мне книгах в предположении, что, может быть, когда-либо в будущем мои исправления пригодятся Церкви Божией. Епископ Афанасий также поддерживал труды исповедника веры **священника Сергия Желудкова**, призывавшего к литургическому творчеству. Епископ Афанасий ссылался в своих трудах и на митрополита Алма-Атинского Николая (Могилевского), 25 лет проведенного в лагерях, своего единомышленника в этом вопросе. Почитаемый на Украине исповедник веры **архимандрит Лаврентий Черниговский (Проскура)**, еще до ареста, в 20-е годы, на вопрос, на каком языке лучше служить, славянском, русском или украинском, отвечал: Безразлично. В 1950-е годы, освободившись из лагерей и ссылок, церковное служение продолжал **архимандрит Таврион (Батозский)**, - он активно использовал русский язык в богослужении, например, каноны праздничных служб он читал по-русски **в переводе Е.И. Ловягина** (незабываемо его чтение Молитвы Господней, проникнутое сердечным чувством и горячей верой: Отец наш, Сущий на небесах...). Среди учеников **отца Алексея Мечева** выделяется **архимандрит Борис (Холчев)**, - после лагерей и ссылок он служил в Узбекистан; каноны праздничных служб он также читал по-русски. Весьма грешным, прямо не допускающим детей ко Господу и равносильным лишению их святой Чаши, считал богослужебное чтение Писания на славянском, непонятном для детей **языке епископа Александр (Семенов-Тянь-Шанский)**. **Митрополит московский Макарий (Невский) (+1926г.)** предупреждал, что «в случае ничегонеделания и продолжения церковной жизни тем же порядком мы вообще придем к тому, что вскоре православных в России будет меньше, чем отступников...».

Господь наш Иисус Христос, проповедуя Царство Небесное, предупреждает: Ко всякому, слушающему слово о Царстве и неразумющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его» (Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 19). «Слушайте и разумейте», - так говорит Господь Своим ученикам. Вот прямая воля Христа Спасителя. В исполнении этой воли, этой заповеди и состоит переводческая деятельность церкви. И вот приходит человек в церковь, который во всем хочет дойти до самой сути, а ему говорят: Хочешь что-то понимать - иди к Свидетелям Иеговы! Не мешай нам молиться! Руки прочь от ЦСЯ!

Архиепископ Михаил (Мудьюгин), (выдержки из «К вопросу о богослужебном языке в Русской Православной Церкви»): Позволю себе сказать и об очень острой проблеме церковного языка. Разве не говорит о ней Христос Спаситель в притче о сеятеле? Желательно, чтобы каждый из вас ещё раз посмотрел это место в Евангелии из Матфея. В объяснении к притче о сеятеле Он говорит о том, что приходит дьявол и старается похитить слово из сердец слушателей, чтобы они не уразумели. А между тем, есть масса людей, я слышал это от многих, которые считают, что не обязательно понимать слово Божие, что достаточно того, что человек постоит в храме и приобщится как бы к некой общей благодатной атмосфере храма. Не обязательно воспринимать монотонное чтение совершенно непонятных слов, если слух ласкают звуки церковного пения - этого вполне достаточно. Если это так, то, я думаю, дьяволу даже незачем стараться похитить это Слово из сердца и ума православного христианина, потому что в нем все равно ничего от этого Слова не остаётся. Оно не достигает даже этой первичной стадии, про которую Христос говорит, что с радостью принимают слово, а уж потом приходит дьявол и похищает его. Похищать-то нечего, поскольку ничего нет ни в уме, ни в сердце человека, потому что преподносится оно на языке, который непонятен для большинства слушателей.

Связанные со славянским языком трудности восприятия слова Божия являются для Церкви в целом, и для её воспитательной деятельности, в особенности, проблемой ещё более актуальной и насущной, чем трудность понимания молитвенных текстов богослужения. Ведь Священное Писание есть Откровение

Божие, обладающее абсолютным авторитетом и необходимое для спасения. Поэтому доведение его до ума и сердца людей есть прямая задача Церкви Христовой: "Идите, научите все народы... уча их соблюдать все, что Я повелел вам" (Мф. 28:19-20).

Сторонники употребления славянского языка приписывают ему какую-то особую благодатность, забывая (или, точнее, предпочитая забывать), что одним из признаков одухотворения учеников Христовых и создания Церкви был дар языков, необходимый для выполнения их апостольской миссии. Если тому или иному языку или наречию приписывать большую благодатность, чем другим, то не следует ли нам читать в храмах России Слово Божье на греческом и древнееврейском языках, которые имеют шанс считаться наиболее благодатными, ибо оригинал Слова Божьего был написан именно на этих языках?

Это неверно, когда говорят, что пожилые люди, которые с детства в церкви, всё понимают. Ничего подобного: подавляющее большинство, особенно то поколение, которое не получило никакого религиозного воспитания и образования, ничего не понимают. Слово "ничего" - конечно, некоторое преувеличение. Когда поют: "Господи, помилуй" или когда священник произносит: "Благословение Господне на вас", - здесь всё понятно. И понятно даже то, что говорит дьякон: "Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатью", - тут полное совпадение с русским языком. Но слова, которые у нас в Академии, скажем, поют за каждым вечерним богослужением после "Господи, воззвах к Тебе, услыши мя", - "Пожертвы быша при камени судии их: услышатся глаголи мои яко возмогоша. Яко толща земли проседеса на земли, расточишася кости их при аде" (140-й псалом) - это что-то страшное в смысле непонятности текста, не говорят уже о том, что это какой-то очень плохой перевод, несомненно это недостаток перевода. Но и когда читается Евангелие и когда слышат слова Спасителя "Уне есть да Аз иду", кто понимает слово "уне"?

Само собой разумеется, что применение русского языка даже в таких ограниченных рамках должно внедряться с благоразумной последовательностью (например, сначала при совершении треб, затем при чтении паримий за бдением, позже при апостольских, и наконец, при евангельских чтениях на литургии и за вечерним богослужением). Одновременно необходимо проводить среди прихожан разъяснительную работу, внушая им важность и спасительность понимания и усвоения Слова Божия, а также указывая на тот неоспоримый факт, что православный человек приходит в храм для молитвы и назидания, а не для изучения того или иного языка, равно как и не для любования его красотами.

Единственно возможным шагом в местных условиях следует признать чтение на русском языке Слова Божия, в первую очередь - апостольских и евангельских текстов, а также паримий, так как:

- чтение Святого Писания на родном языке ни с чьей стороны не должно встречать возражений, как соответствующее одному из основных принципов Православия;
- понимание Святого Писания по сравнению с другими богослужебными текстами особенно важно, как боговдохновенного и необходимого для спасения;
- большинство прихождений и духовенства располагают Библией и Новым Заветом в русском переводе, тем более, что соответствующие издания были распространены по епархиям совсем недавно (имеются в виду издания 1956, 1968 и 1988 годов);
- уже имеется положительный опыт чтения апостольских и ветхозаветных текстов на русском языке в ряде мест (в частности - в храме Санкт-Петербургской Духовной Академии).

В настоящее время, хотя потребность в понятном для всех библейском и богослужебном языке осознается все в большей и большей степени, однако в церковных кругах, среди духовенства и мирян по-прежнему имеется большое число сторонников сохранения славянского языка в качестве богослужебного. Их аргументация сводится главным образом к указаниям на красоту церковнославянского языка, на его привычность для православного русского человека. Ссылаются также на якобы недопустимость вообще каких бы то ни было изменений в церковной жизни и особенно в богослужении. Не входя в обсуждение и тем более в критику этих доводов, отметим здесь, что существенные изменения богослужебного языка в общецерковном масштабе как то: исправление текстуальных ошибок и неточностей, замена наиболее непонятных славянских слов и выражений, замена наиболее непонятных славянских слов и выражений более понятными (т.е. более близкими к русскому языку), тем более - полный или частичный переход на

русский язык, требуют для своего осуществления инициативы со стороны общецерковного руководства. Кроме принципиальной стороны вопроса надо учитывать ещё и немалые технические затруднения, связанные с изданием новых, исправленных богослужебных книг и нот. Кроме того, если русский перевод Священного Писания осуществлен давно, то перевод богослужебных книг (октоиха, минеи, триоди и др.) не предпринимался в сколько-нибудь систематическом и организованном порядке. Имеющиеся переводы (многие - весьма качественные), осуществлялись в порядке частной инициативы, издавались малыми тиражами и теперь являются библиографической редкостью.

В сущности первым и очень важным реальным шагом в сторону русификации богослужения следует считать переводы Нового Завета, а потом и всей Библии, осуществленные в прошлом столетии и положенные в основу всех изданий Священного Писания вплоть до нашего времени. Многотиражные издания Библии, Нового Завета, Евангелия на русском языке приблизили Слово Божие к рядовому православному человеку, однако далеко не ко всякому, ибо чтобы читать Святое Писание, надо его иметь и быть грамотным, а значительная часть населения не имела возможности его приобрести или им воспользоваться. Единственным общедоступным способом восприятия Слова Божия было слышанье его в церковно-богослужебном употреблении, но здесь препятствием встает незнание языка, на котором оно преподносится; несмотря на все недостатки, присущие мертвому, почти не доходящему до слушателя церковнославянскому языку, он однако до сего времени применяется в нашей Церкви почти повсеместно. Упоминавшиеся выше робкие попытки модернизации богослужебного языка в начале текущего столетия заглохли в связи с изменениями условий церковной жизни, поставившими на повестку дня более насущные проблемы.

Отрицательные стороны применения церковнославянского языка в некоторой степени смягчались в прошлом тем, что этот язык и само богослужение систематически изучались значительной частью населения ещё в детском возрасте (в школах, в гимназиях). Однако и тогда со стороны многих церковных деятелей и богословов все чаще звучали заявления о необходимости приближения богослужебного языка к пониманию рядового мирянина, причем некоторые требовали принятия радикальных мер вплоть до перехода на разговорный русский язык, другие считали возможным ограничиться модернизацией наиболее непонятных славянских текстов и устранением недостатков перевода с греческого. Такие мысли высказывались весьма авторитетными в церковном мире лицами, как св. Феофан Затворник, архиеп. Херсонский Иннокентий, митр. С.-Петербургский Никанор, еп. Екатеринославский Августин, прот. А. Горский, а также архиеп. Финляндский (впоследствии Патриарх) Сергей. Перечисленные и многие др. иерархи и богословы ратовали, главным образом, за частичное исправление богослужебных славянских текстов (и сами над ним трудились). Вопрос о переводе богослужения на русский язык был поднят позднее и решался положительно в конце прошлого и в начале нынешнего века архиеп. Ярославским Иаковом, еп. Самарским Константином, еп. Иркутским Тихоном, еп. Архангельским Иннокентием и др.

Не доходят до слушателей в славянском изложении даже такие, например, сравнительно простые места Священного Писания: область даст Ему и суд творити (Ин. 5:27); не сердце ли наю горя бе в наю (Лк. 24:32); что ся вам мнит?" (Мф 21:28) и многие др. В одних, из приведенных предложений, встречаются слова совершенно неупотребительные в русском языке и потому большинству русских людей неизвестные (наю), в других - слова, значение которых в русском языке отлично от славянского (область), а в последнем предложении непонятны не только слова "ея" и "мнит", но и весь оборот речи, совершенно чуждый русскому языку по своей структуре. И так не в отдельно только специально выбранных предложениях и оборотах, а сплошь от одной фразы к другой, что делает непонятными даже содержание и смысл всего евангельского чтения. Прослушав его, большинство молящихся не может отдать себе отчет, о чем была речь.

Неудовлетворительность такого положения осознавалась в Русской Церкви уже давно. Достаточно сказать, что в постоянной полемике с католицизмом видное место занимало справедливое указание на безраздельное господство в католическом богослужении почти никому непонятного латинского языка, в то время как в православном мире существует принцип богослужебного применения родных языков, в Румынии - румынского, в Греции - греческого, в Болгарии - болгарского и т.д. Применение в России не

родного, а древнего церковнославянского языка оказывается таким образом вопиющим нарушением одного из принципов Православия. Кстати сказать, необоснованность такого нарушения стала теперь особенно наглядной, когда Римско-Католическая Церковь со времени II Ватиканского Собора отказалась от применения латинского языка и приняла исконно-православную практику применения в богослужении только родных, живых языков.

Подытоживая все сказанное, приходится признать, что для подавляющего большинства посетителей храмов, даже тех из них, кто молится в храме с детского возраста, не говоря уже о случайных или первичных посетителях, богослужебный язык в большей и меньшей степени непонятен, и таким образом, значительная и даже большая часть духовной пищи, преподаваемой молящимся в целях их назидания и объединения в общей молитве, этих целей не достигает.

митрополит Ионафан Елецких: Если не будет катехизации всего народа Божьего, то переводы не смогут достичь своей цели, во всяком случае, в полноте.

архиепископ Волоколамский Иларион, 2009г.: Человек не сможет адекватно воспринимать богослужение ни на русском, ни на славянском языке, если не проникнется тем духом и тем образом мыслей, которыми были порождены богослужебные тексты, если он не будет изучать богослужебные тексты в свободное время.

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II: Славянский язык не для всех понятен: поэтому многими литургистами нашей церкви давно уже ставится вопрос о переводе всего круга богослужебных текстов на русский. Однако попытки перевода богослужения на современный разговорный язык показали, что дело не исчерпывается только заменой одного словарного состава на другой, одних грамматических форм на другие. Литургические тексты, употребляемые в Православной церкви, являются наследием византийской древности: даже переведенные на современный язык, они требуют от человека специальной подготовки... Поэтому проблема непонятности богослужения не исчерпывается только вопросами языка, которые, безусловно, должны ставиться и решаться. Перед нами более глобальная, поистине миссионерская задача — научить людей понимать смысл богослужения.

«Без вхождения в смысл богослужения христианская жизнь никогда не станет «общим делом»».

П.С.: Историк Александр Кравецкий пишет: Считается, что обновленцы были сторонниками перевода богослужения на русский язык и радикальных литургических реформ. Однако знакомство с официальными документами обновленцев показывает, что это миф.

П.С.2: [протопресвитер Александр Шмеман](#): Вместо того, чтобы понять "перемены" и потому справиться с ними, Православие оказалось попросту раздавленным ими. На деле оно изнутри определено и окрашено и подавлено как раз теми "переменами", которые оно отрицает, определено неким "надрывом". Этот надрывный уход каждого - будь то к "отцам", будь то к Типикону или же в католичество, в эллинизм, в "духовность", в русизм, в быт, в безбытность, но непременно уход, отрицание сильнее, чем утверждение, это цепляние за стиль, за форму, за букву, этот страх, пронизывающий православный "мир".

Да и зачем писать многотомники об Иисусовой молитве? Не достаточно ли о ней написано? Не лучше ли ею скромно заниматься? — Очень точно определил отец Александр. Это подделки и болтовня. «Христианство “болтающее” — это, в сущности, новая глава в его истории. Когда люди поставили “проблемы”, они перестали радоваться, благодарить и молиться».

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ:

Михаил Васильевич Ломоносов: Карл V, римский император, говаривал, что испанским языком прилично говорить с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелем, итальянским — с женским

полом. Но если бы он русский знал язык, то конечно к тому бы добавил, что им со всеми говорить пристойно, т.к. нашёл бы в нём и великолепие испанского, и живость французского, и крепость немецкого, и нежность итальянского, и богатство, и сильную изобразительность латинского и греческого языка.

Проспер Мери́ме: Русский язык, насколько я могу судить о нем, является богатейшим из всех европейских наречий и кажется нарочно созданным для выражения тончайших оттенков. Одаренный чудесной сжатостью, соединенный с ясностью, он довольствуется одним словом для передачи мысли, когда другому языку потребовались бы для этого целые фразы.

Русский язык — это язык поэзии. Русский язык необычайно богат многогранностью и тонкостью оттенков.

Михаил Михайлович Пришвин: Натуральное богатство русского языка и речи так велико, что, не мудрствуя лукаво, сердцем слушая время, в тесном общении с простым человеком и с томиком Пушкина в кармане можно сделаться отличным писателем.

Николай Васильевич Гоголь: Сердцеведением и мудрым знанием жизни отзовется слово британца; лёгким щёголем блеснёт и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает своё, не всякому доступное умно-худощавое слово, немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово. Дивисься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок: все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценней самой вещи.

Иван Сергеевич Тургенев: Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, - ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя - как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса.

Берегите чистоту языка как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас.

Николай Александрович Добролюбов: Наш русский язык, более всех новых, может быть, способен приблизиться к языкам классическим по своему богатству, силе, свободе расположения, обилию форм.

Николай Михайлович Карамзин: Да будет честь и слава нашему языку, который в самом родном богатстве своём, почти без всякого чуждого примеса течёт, как гордая величественная река – шумит и гремит – и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!

Максим Горький: Русский язык неисчерпаемо богат, и всё обогащается с поражающей быстротой.

Александр Иванович Куприн: Язык — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры... Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью.

Русский язык в умелых руках и в опытных устах – красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен.

Алексей Степанович Хомяков: Нет в русском языке ничего осадочного или кристаллического; всё волнует, дышит, живет.

Виссарион Григорьевич Белинский: Что русский язык — один из богатейших языков в мире, в этом нет никакого сомнения.

Нет сомнения, что охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания, противна здравому смыслу и здравому вкусу; но она вредит не русскому языку и не русской литературе, а только тем, кто одержим ею.

Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, - значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус.

Алексей Николаевич Толстой: Русский язык! Тысячелетия создавал народ это гибкое, пышное, неисчерпаемо богатое, умное поэтическое... орудие своей социальной жизни, своей мысли, своих чувств, своих надежд, своего гнева, своего великого будущего... Дивной вязью плел народ невидимую сеть русского языка: яркого как радуга вслед весеннему дождю, меткого как стрелы, задумчивого как песня над колыбелью, певучего... Дремучий мир, на который он накинуд волшебную сеть слова, покорился ему, как обузданный конь.

Обращаться с языком кое-как — значит, и мыслить кое-как: приблизительно, неточно, неверно.

Константин Георгиевич Паустовский: Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает "до косточки" свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли.

Нет таких звуков, красок, образов и мыслей — сложных и простых,— для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения.

... С русским языком можно творить чудеса!

Александр Сергеевич Пушкин: Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими.

Фридрих Энгельс: Знание русского языка,— языка, который всемерно заслуживает изучения как сам по себе, ибо это один из самых сильных и самых богатых живых языков, так и ради раскрываемой им литературы,— теперь уж не такая редкость.

Дмитрий Андреевич Фурманов: Надо любить и хранить те образцы русского языка, которые унаследовали мы от первоклассных мастеров.

Анна Андреевна Ахматова:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое Русское Слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.